

Олег Дарк

ЖЕЛАНИЕ СОЧИНЯТЬ РОМАН

Памяти Надежды К.

Материалы к роману

I. ... дочь.

как же ты оставляешь одну? мать сидит. опоздала — она ушла. нее своя жизнь. и часто так — не дождавнись? стараюсь не паздывать.

от двери через прихожую идут в комнату. несет дочь на руках.

... дочь.

хочет, чтоб Надя кормила с ложечки. сижу напротив, говорю: то же ты — такая большая девочка.

мне уже скучно. все равно как дома.

внимательно на меня смотрит, открыв рот, забыв жевать. вижу во рту кашу, отворачиваюсь.

— Машенька, можно у нас дядя на ночь останется?

Всё смотрит на него.

Проглотила кашу, качает головой:

— Мама, я не хочу.

— Но почему?

— Это не-папа.

— Конечно, не папа, просто дядя. Перебьочует, а утром уйдет.

— Нет, не хочу, не хочу, не хочу...

И ревет.

Так бы и стукнул чем.

— Ну хорошо, он посидит и уйдет. Ты только не плачь.

Пошла заниматься игрушками.

Пьют чай, беседуют. Я ее только украдкой то за колени, то за бедро. Пока девочка не видит. Она играет в той комнате и время от времени на них украдкой поглядывает. дядя мне улыбается, мол, подожди, скоро уже. "Спокойной ночи, выспитесь!" смотрели втроем. Надя пошла мыть дочь.

- Можно, дядя поможет мне тебя вымыть?

- Нет, не хочу, но он может постоять в двери.

Я стоял в двери ванной и смотрел, как Надя моет дочь. Потом, завернув дочь в простыню, несет в кровать. Тело дочери проступает в простыне серыми водяными пятнами, но не целиком. Летская кроватка - в другой комнате, не в той, ~~и~~ где они ~~ис~~авничали.

- А когда дядя уйдет?

- Он уже уходит, не волнуйся, - и ему мигает.

Я оделся и вышел на лестничную площадку. Через некоторое время выглянула Надя, шепотом: Входи. Иди на кухню, только тихо. У Нади, кроме кухни, две комнаты. В одной - дочь, в другой - Надя. Потом мы лежали в постели и Надя говорила: Только тихо, чтоб дочь не разбудить. Несколько раз вставала смотреть, спит ли. Мне все ужасно не нравилось, даже никакого удовольствия не получал. Надя разбудила рано утром. Я прятался то в юртире, то в ванной. Надя умывала дочь, на кухне кормила. Пришла мать. Я ее не видел. Пальто таскал с собой. И ботинки в руке, чтоб не топать. Вышел на лестницу, подождал. На работу поехали вместе.

- Когда вышли из автобуса, я ей сказал: только ты впереди иди.

- Напрасные старанья, нас видели.

- Ко мне бабы подходят - Люба наша, подруга ее из бухгалтерии - Вера, ну ты знаешь! еще кто-то - спрашивают: отчего это Дубов твой с Крыловой приехал, не знаешь? Я говорю: не знаю. Они: должно быть, неспроста.

- Надя смеется: конспирация! ты меня стесняешься? Не стесняюсь, а к чему афишировать?

Потом объяснила, что у Машеньки мужчины делятся на две категории: папы и не-папы. Я попал в разряд не-пап.

Он у Нади впервые. Это был прощальный ужин. Сегодня приезжает жена. Понедельник.

2. — И тогда тоже нарочно ждала.

— Не знаю... Опять ко мне пошли. "А когда у тебя жена вернется? "Почему ты решила, что она уехала?" "Ну если ее нет!" "Она на даче, с сыном". В этот раз лучше было.

— Ты меня любишь? — спрашивает его.

— Люблю. /что-нибудь в этом роде/.

— А жену?

— Её — нет.

Я к Ленке очень хорошо отношусь. Она — прекрасная жена. Считаю, что мне очень повезло. Готовит, дом в порядке, ребенок любит — чего еще надо?! У нас, может, еще дети будут. бы очень хотел. Я Наде не лгал, она знала, что я собираюсь охранять семью. Это же Дом. Я туда возвращаюсь. /выделяет голосом. может быть, даже скандирует/: воз-вра-ща-юсь. /?/

Но хотелось и чего-то другого. /здесь вставить рассуждение о быте и домашнем/.

"Сходи за хлебом." "Погоуляй с ребенком." "А премия у тебя будет?. Расчет только на нее. У меня денег нет." /и подобие/.

Хотелось чего-то другого.

— Может, ты оставишь жену?

— Нет, не могу.

— Почему?

— У меня сын.

И она больше не заводила такого разговора.

— Если ты меня бросишь, умру.

— Ну что ты!

— Мне без тебя нельзя.

— От кого у тебя дочь?

— Так, от одного человека.

- Муж?

- Нет, я не была замужем.

3. ...жена.

спрашивает: где был. он отвечает: дома объясню. приходит. порога: ну? был у Витьки. врешь, я узнавала. Вакулову? - с вусмысленной интонацией, чтоб и так, и так повернуть. нет, почему Вакулову? Антонову.

я у Вакулова Витьки был, засиделся, а телефон отключился. а и тяжело уже ехать. почему не сказал, когда на работу звонила? не мог же я во всеуслышание, что мы пили? а вы пили? раумеется.

- А если б сказала, что да, Вакулову звонила?

- Сказал бы, что был у другого Витьки, у Антонова. На то двусмысленность интонаций.

... жена.

а кто его спрашивает? извините, он не может подойти. почему? он не хочет. я его жена, могу его заменить. нет? что-нибудь передать? хорошо. так и скажу, что Вы его любите, он очень обрадуется. сюда Вы больше не звоните, он не будет к телефону подходить. да, он так решил. он мне все рассказал, да, всё-всё. не преследуйте моего мужа. это Ваши проблемы, любите а здоровье. от меня он уходить пока не собирается. ну и что? то блажь. лучше Вы своей дочерью занимайтесь, чем у чужого ребенка отца отнимать. я же знаю, что у Вас дочь.

И повесила трубку.

- А ты где был?

- Рядом стоял.

- Досталось тебе...

- Да нет, ничего. В общем-то, я был с ней согласен.

Надя письмо написала.

- Не мытьем - так катаньем.

- Упорная она у тебя. Чего хотела-то?

- Да бог ее знает. "Дорогой мой человек!" - так прямо и пишет.

— Сильно!

— Книга такая есть...

— "Мы с Машенькой часто тебя вспоминаем, и Машенька спрашивает: когда к нам придет тот дядя Папа? разве он не будет с тобой жить? А что мне ей отвечать?"

— Тебя повзносили.

— Да, я теперь дядя Папа. "Мне без тебя очень трудно, без твоих сильных рук и ласкового мужского тела. Я часто просыпаюсь от того, что мне кажется, что кто-то меня гладит по лицу. Я пытаюсь обнять тебя, но рядом, кроме подушки, никого нет. [до одурения...]"

— Точно по-писанному испаришь.

— Я наизусть уже выучил. Дальше все в этом же роде. Мы с Ленкой вслух зачитывали раза четыре, пока не надоело.

— Ты Ленке показывал?

— Конечно. Как только пришло. Даже не вскрыл, отнес, лишь обратный адрес увидел. От нее впервые и услышал. И всякий раз она бралась перечитывать, по ее инициативе.

— А что Лена?

— Мы вместе смеялись.

Опять сделала попытку договориться с Надей. Пошли вечером к ней. "Нам надо расстаться." А она ласкается. Остался до утра. Уже легально, дочь позволила. Думаю: плохо дело. На работу жена не позвонила.

4. — Давай всё ей расскажем?

— Ну как расскажем, подумай?

— Что мы любим друг друга.

— Я не могу.

— Почему?

— Мы с ней долго живем. Я ведь ей до тебя никогда не ~~ни~~ изменял.

И она больше не заводила такого разговора.

— И как же мы теперь?

— Давай подождем?..

— Долго?

- Не знаю... Но пока я не смогу часто с тобой видеться.
- Я понимаю.
- Я тебе буду говорить, когда могу.
- Хорошо.

- Как же ты справлялся?

- Мне никогда так хорошо не было. Я даже стихи сел писать.

- Ну, ты даешь!

- На дачу через день ездил, День с женой, день с этой.

- Здоров!

- Знаете, такая наполненность, я даже не ожидал. /далее рассуждение, что он полюбил говорить по телефону с той, когда в комнате жена, полюбил недомолвки, намеки, подолгу молчание - со стороны, будто слушает, а там говорят - придумывать истории, кто звонит, всяческую конспирацию и холодок в груди полюбил. Представить, как он стоит с телефонной трубкой и копит глазом - но нет, ничего: вяжет спокойно! - но дыхание учащается у него все равно, оттенить, что это не неприятно. Но не просто пристрастие к риску, а к лилипутскому взрыву внутри. - И побольше микродвижений, микродвижений/.

Вроде и семья - дом, ребенок, заботы, часто приятные, но и что-то другое рядом - острое, нескучное. Мужчиной себя чувствуешь совсем в ином роде, чем с женой - не хозяином. До сих пор ее пальцы на губах чувствую, когда она меня хлопнула! что-то дерзкое сказал, а жена бы тем же ответила. Ощущение: здесь так же, как дома нельзя. Я ведь с ней только и отдыхал что всего... Окружающее как-то по-новому воспринимаешь, точно сейчас родился. Умытое окружающее получается, вот как!

5. ... сразу не очень. Тихая. На столе любила сидеть. Зайдешь к ним в отдел: "Ой, простите!" - соскакивает. Польские джинсы на ней по-чуждому сидели, зад обвисал. Тошная. Астата, блондинка. Слишком вежливая. Никогда "здрасти" не скажет, всегда "доброе утро", или "добрый день", или "добрый вечер", то есть каждому времени - свое. "Счастливо тебе" - это она прощанье, или, конечно, "Вам".

- В тихом омуте черти водятся.

- Вот и вышло потом, что подарочек она тот еще, все
взвыли, только срок вышел.

- ... само собой как-то. Я после работы ее случайно наг-
нал. Она медленными шагами шла. Заговорил с ней, она даже
вздрыгнула. Но ничего потом. "Заедем ко мне?" - предлагаю.
"Ага", - говорит. Я насчет нее и не думал ничего. По дороге
бутылку купили. Хоть телевизор вдвоем посмотрю, прикидываю,
а то тоска. С вами ни с кем я не договорился, чтоб встретиться.
Что одному делать?

- А быстро она согласилась!

- Я ж говорю, нарочно ждала. А ты - дурак!

... телевизор. Кровать у меня напротив, с нее смотреть
удобно. Тут сели. В руках стаканы. Я налил. Выпили. Я до дна,
она - глоток. Она почти не пьет. Я ее за плечи обнимаю. Она
молчит. Не сопротивляется, но и не делает ничего. Только ста-
кан рядом на кровать поставила. Я думаю, как бы не опрокинуть,
и в губы целую. Холодные, от вина сладкие и липкие. Я целую,
она не отвечает, но губы дает. Я опять целую, раз вроде не
против и если уж начал. Знаете, мне не очень хотелось. Рукой
по груди провожу, потом по животу и тихо начинаю юбку в
складки собирать. А она говорит: так прям сразу? Руку мою от-
страняет и встает. Что вы думаете делает?...

Нет, раздевается. Я не сразу сообразил, как мне быть.
Чезет мимо меня в кровать, потом под одеяло. По сторонам гру-
ди хлопают, как мухобойки, соски длинные, коричневые. Я еще
не знал, что у нее ребенок.

- И никто не знал.

- Да, от всех скрывала.

... тоже. Она подвинулась. Лежит и не шевелится, в по-
головок смотрит. Меня зло взяло и не хочется. Но я не знал,
как вывернуться. Я очень боялся, что не встанет. И от этого,
наверное, не встал. Лобок - как деревянный, шерсть жесткая
и редкая, пружинка к пружинке. Никакой смазки. Я боюсь сде-
лать больно, потом виноват буду! Раздвигаю медленно, как

рищами. Со мной не лучше. Возбуждение — ноль. Зажимаю в руке, впереди два пальца, как тараканьи усы, — раздвигают. Я даже вспотел от напряжения. Видимо, от радости быстро кончил, она только вздохнула. Я лег рядом с чувством выполненного долга. Молчим. Она только положение переменяла, простыню под собой скомкала и между ног зажала. Я это отметил. Про себя подумал, что все равно мне стирать. Да и так стирать. Самое интересное, что меня удивило, что она не девственна...

Ну не знаю почему. Она одевается. "Я пошла", — говорит. Я за руку ее удерживаю — влажная. "Я тебя провожу?" Она не возражает. Молча дошли до метро.

— Что же не оставил ее?

— Настроения не было. Странная она была какая-то.

После работы спускаюсь по лестнице — стоит у входа, караулит. "Я тебя жду", — говорит. Берет меня под руку. Я никогда так быстро домой не гнал, так тащила! Только вошли, она меня за руку и к кровати волочет. Там еще стул на дороге, я чуть не упал. И плащ с меня сняла, и рубашку, и брюки. Я пытаюсь пошептать, что, мол, сам, шшш она рычит. На колени встала... Я сразу полетел. Не знаю, как тут же не кончил... Горячее, быстрое, острое жало... Потом редко сама... Еле, бывало, уговоришь. Стеснялась.

А в постели сразу обмякла. Она была легкая и скользкая, как змея. Особенно, когда вспотеет. Потела сразу. Только цепляет странно. Я потом просил, так больше не делать. Постепенно отвыкла, хотя и с трудом. Не знаю, кто ее к этому приучил — возить губами по рту. Только присосусь, опять вырвалась. Я был весь в слюне... Такого красного рта, как у нее, я больше ни у кого не увижу... И еще она любила следы оставлять. В тот раз я встал весь в пятнах. Она точно забавлялась: круглое, продолговатое или цепочку оставит. И опять: круглое, продолговатое... Чередовала. Я боялся — жена заметит. Просил не делать. Иногда слушалась. Когда забывалась. А, может быть, нарочно: хотела, чтоб жена увидела. Грозил: я тебе еще на цепках поставлю. В шутку, конечно, но я боялся. Потом оказалось, что мы дверь не захлопнули. Настежь она.

Я чувствовал себя усталым, лежали рядом молча.

— Тебе хорошо? — вдруг спросила.

— Очень хорошо. А тебе?

— Мне все равно.

Я даже подпрыгнул.

Встает, одевается.

— Ты куда?

— Мне пора.

— Может, останешься?

— Нет, нельзя.

— Что так?

— Мать с дочерью ждет. Мне сменять.

6. Трудно приходилось. Потому что я мог только днем.

Брал отгулы при всякой возможности, то есть дежурил, что тоже еще скрыть надо. Утром выходил, как на работу, и шел к Наде, вечером бежал домой. Очень боялся, что жена в отдел позвонит, но обходилось. Наконец, я понял, что не выдерживаю.

— Зато Надежда порхала, как птичка. Все замечать стали.

— Она и не скрывала. Я на нее за то очень злился.

— У меня Света Петрова — знаешь?

— Знаю.

— Спрашивает, представляешь? "у тебя что — с Дубининым что-то есть?"

— А ты? — и внутренне похолодел.

— Отвечаю: это наше личное дело. Что нос суешь? Правильно сказала?

— Нет, не правильно. Тебе словно нравится, что у нас, как это называется, роман! Ты — как маленькая! Теперь мы будем иначе.

— Как?

— На работе ко мне не подходи.

— Я не могу, мне хочется тебя видеть.

— Ну, смотри издали.

— И поговорить нельзя?

— Дома наговоримся.

— У НАС дома? Ты мне сейчас почти как муж. Только мы

встречаемся редко.

— Достаточно... Представь себе, что я в длительных командировках.

К тебе Машенька привыкает.

— Я очень рад.

— Она спрашивает: когда дядя придет? Ты у нее просто как дядя фигурируешь, и я сразу понимаю, о ком она.

— Спасибо.

— Ты знаешь, я не могу больше с тобой встречаться...

— Почему?

— Не могу и все. Нам надо расстаться.

— А как же я?

— Я физически не могу разрываться. И Лену с сыном жалко, не могу бросить.

Ушла. На завтра приходит:

— Я соскучилась.

— Я ж тебя просил не подходить ко мне на работе,

Всё тянется опять, как прежде. Я был на взводе. Срывал дело на жене. Она думала: на работе не ладится. Выспрашивает: что случилось, расскажи ей. Отстань, говорю, всё в норме. А она не понимает: ты мне не доверяешь. Ну что ты с ней будешь делать? Я сколько раз порывался рассказать, да не решался.

Привык с Леной обо всем советоваться, она мозговитая. Но как таков?

— Ленка и мне звонила.

— Да? А чего она?

— Выясняла, где ты шляешься.

— А ты?

— Я хоть и люблю ее, как сестру, а не выдал. Говорю: не знаю, иногда он у меня.

— Это ты правильно.

Жена днем не позвонила. Иду домой, что-то будет, где я ем? Возится на кухне. "Я знала, что у тебя кто-то есть." Это

хуже всего, когда прямо говорят. Я как оглушенный. Всё и выложил. Про то, что связался с одной, когда они на даче были. "Тут же тоска, пойми. Я был совершенно один. Я по вам скучал. Мне было плохо, потому так и вышло, но больше такого не повторится, обещаю. Только мне от Надьки отвязаться трудно." И имя ее сказал, и фамилию. Лена поняла и поверила. Она у меня замечательная. Таких жен больше нет. Мы с ней вроде заговора составили. Она мне советовала, как Надьку отшить. "Только к телефону не подходи. Трубку теперь я брать буду." Я был очень счастлив.

С Надей я встреч избегал. После работы задерживался. Ждал, пока она из вестибюля уйдет. С лестницы выглядывал. Весь институт знал и смеялся. Шеф говорит: "Мне сказали, тебя Крылова преследует. Правда?" Что мне ответить? Я молчу, плечами пожимаю. Он смеется: "Молодец! Губа не дура! Только осторожней, смотри!"

Надя больше не подходит. Вот и хорошо, думаю, кончим это. Юшел к ней домой объясняться. Остался.

Вечером Надя звонит:

- Ну как ты? Не спишь? А я весь день - как сомнамбула.

- Ты зачем звонишь?

- Хотела тебя услышать.

- Не звони мне больше.

Жена входит:

- Кто звонил?

- Так, по работе. - Собрался историю сочинить.

- Опять эта мерзавка звонит? Скажи ей, чтоб не смела.

не ее только здесь, в собственном доме, не хватало! Милуйся кем хочешь, но чтоб я об этом не знала. Наглость какая! Как к себе домой звонит!

Долго еще говорила.

Надя явилась ко мне в отдел: "У меня конфликт с начальством", - громко так, все на нас смотрят. Я говорю: "Пойдем

выйдем!"

- Ты зачем пришла?

- У меня с начальницей конфликт.

- А я причем?

- Ты мне здесь самый близкий человек. Я думала, ты посоветуешь что-нибудь...

- Я тебя просил не подходить ко мне при всех!.. А чего она?

- Им мой диплом не дает покоя. Они там почти все без высшего, даже зам с техникумом...

- Ты, наверно, сама хороша!

- Вот и мама тоже говорит...

- Она права...

- Что ж мне - диплом скрывать?

- У тебя - гонор!

- Я соскучилась. Пойдем сегодня ко мне?

- Я не могу.

- Не можешь или не хочешь?

- Ну не хочу.

- О тебе Машенька спрашивала.

- Скажи ей, я уехал насовсем.

- Может, в последний раз зайдешь?

Я думаю, почему бы не зайти? Ведь не отвяжется. Да мне самому захотелось. Решил - зайду на час, ведь навсегда расстаемся. И я остался на ночь. Так хорошо, как в ту ночь, у нас еще не было. Я был очень счастлив.

Жена встречает: "Иди, откуда пришел!" Я обиделся и поехал к Димке. К Наде было стыдно. Скажет, выгнали, поэтому пришел. Дима мне был не очень рад из-за жены, она ворчала. Положили меня в прихожей на раскладушке. Его жена меня не любит, на боится, я на ее мужа плохо повлияю, то есть изменять его вучу. Мне других забот нет! Дима жене все рассказывает. И про меня о Надеждой рассказал.

На другой день Ленка меня опять непустила. Я поехал к Наде: "Видишь, что ты устроила?" Она была очень рада. Жена меня еще раза три не пускала. Я ехал к Наде. Я был этому даже

рад, да и не вламываться же в собственный дом с милицией. О мне я, конечно, скучал, и нехорошо, что Лена при нем меня гурно ругала, когда не пускала, но вообще мне было в те дни изумительно прекрасно...

7. — Я с тобой и^д в кино, и на выставку, пожалуйста! Только веди себя, как человек, то есть прилично. Сказано: не подходи ко мне — так не подходи. И не звони. И что за письма такие!

— Вела она последнее время себя, как хамка...

— Мы с Сережей, мы с Сережей! Подумайте! Мы с Сережей идем, мы с Сережей видели... Я ей говорю: оставь мужика, у него жена и сын взрослый... Это я его жена, говорит...

— Я ж ей ничего не обещал. Наоборот — говорю: я хочу наладить отношения с женой. А ^ж ей хоть бы что! Молчит, а через пять минут опять строит планы. Ты, говорит, с Машей поласковей, она у меня сирота.

— Мы с ней всем отделом не разговаривали. То есть, все девчонки прямо. Старуха, было, то-се, не наше с вами дело, чтоб в чужие дела лезть, а потом тоже стала, вы правы, говорит, нехорошо себя ведет.

— Да чего уж хорошего!

— Мы с Сережей муж и жена теперь — это она всем объясняла.

— Ага, так и говорила: мне Сережа все равно что муж. Я его никому не дам. Вы нас не троньте.

Ленка в профком накатала, чтоб разобрались, значит, с моральным обликом. Нас — на ковер. САМ пришел. Вы, говорит, позорите наше учреждение. Будто я позорю. И шеф тут же, и все. Людмила Петровна, Владим Владимыч...

— Да, и меня побеспокоили.

— Василий Иванович тоже. Ну то есть все. Мне хоть сквозь землю провались, а она ничего. Нам с Сережей скрываться нечего, он мне все равно что муж.

— Зараза!

— Я ей потом говорю: ты ж меня топилшь! Дура, какой я тебе муж? "Отрекаешься!" Ну что с нее взять!

- Мы с ней пробовали поговорить, да она разве слушает?
- Ах, ты так, думаю, ну ладно! И пошел по коридору.

- Она ко мне подходит и говорит: если не любишь, я сейчас в окно брошусь или вены перережу. Бросайся, говорю, мне что! А сам думаю, не сделаешь ведь, пугаешь.

- Кто ж знал?!

- Зачем ее позвали?!

- Это вот он всё: если всем идти, так и её надо! Неудобно!

- Да кто ж знал! Что вы все на него?

- Её надо было знать. Она всегда какой-нибудь фортель годовая выкинуть!

- А что я! Я думал, как всегда, по традиции: девчонки из танцелярии, раз, их мы всегда приглашаем, бухгалтерия, два — на прошлой годовщине были, значит, и на этой должны...

- Про бухгалтерию — это все правильно, а Надежду не надо было. Соображать надо, кто может праздник испортить!

- Мы в ванную, а она над раковиной и локти в край уперты! Что там с руками, мы ж не видели...

- Мы вначале думали: плохо ей...

- Ага, что плохо. Я еще говорю стеснительно: пойдём, Вить! Он: может, ей помочь?

- Виктор у нас, известно, бабник!

- А чего!

- Она, оказывается, вены ножницами, в горячей воде руки ючит... Кровища! Я скорей полотенцем зажимать...

- А я в комнаты — к остальным...

- Бросить ее надо было, пускай она! Подумаешь, добро такое жалеть!..

- Да все равно ведь теперь.

- Она не сопротивлялась. Руки без слова мне протянула, что хочешь делай...

- Сама испугалась...

- Жить ей захотелось!

- Да нет. Ей, по-моему, просто все равно было.

- Ты ее тут не защищай!

- Да я и не защищаю. Мне что Крылова есть, что нет - без разницы: я ее не знал вообще.

- Сколько она над раковиной просидела?

- Минут сорок.

- Много, конечно, вытекло...

- Жаль - не спасли.

- Что б тогда?

- Мы б ей устроили!.. Судный день!

- Нет, вот ты скажи, она хорошо со мной поступила?

- Отвяжись!

- А ты скажи: хорошо?

- Перестань!

- Но сперва ответь!

- Чего пристал к человеку?

- Ответь ты! Видишь - он какой...

- При чем здесь я?

- Нет, ты ответь!

- Ну, скажи ей, Саша!

- А почему я? Пусть у них вон спрашивает.

- А мне с ними ясно.

- Ну не хорошо.

- Ты без "ну".

- Нехорошо поступила.

- Так что ж ты тогда?

- А что?

- Почему блинов нет?

- Какие блины?

- Говорят, полагаются блины.

- Может быть, Вам еще и кутю?

- А почему бы и нет, если такой обычай!

- И это говорит коммунист!

- Не хочу в этом участвовать! С меня, говорит, Н.Крыловой на сегодня, да и на всю жизнь, вот так хватит! И уехал.

- Велел Петровичу докладную подать, все подробно осветить, что, как и почему?

- Андрей Петрович, да?

- Да, да, ну ничего, живы будем — не помрем!
- Комиссия, конечно, нагрянет, потому что ЧП.
- Тут, главное, сплоченней надо быть: ведать — не ведать, а всегда за ней странности были.
- Ты пойми, балда, меня послали. Профком послал, сама атьяна, понимаешь?
- Конечно. Любого могли послать, ты зря обижаешься.
- А послали его!
- Это случайность.
- И он поехал!
- А что ему оставалось?
- Что мне было делать?
- Отказаться!
- И ты бы поехал!
- Нет, не поехал!
- А как бы ты?
- Я бы сказал: поступок гражданки Н. Крыловой не одобряю, потому не могу принять посильное участие в намеченном мероприятии...
- Во дает!
- Ну, и затаскали бы тебя, дурака!
- Почему?
- Потому что в трудное для института время уклоняешься все таксе...
- А все равно тут вопрос принципа...
- Как прошло-то?
- Да так... Сначала Сам слово сказал, потом Татьяна от профкома, потом Людмила Федоровна от партийной организации...
- О чем говорили?
- Ну, что работник хороший, прекрасный человек и вообще восполнимая потеря... Это Сам в основном. А Татьяна больше а дочь напирала, что дочь у нее осталась, но что мы поможем.
- И ведь помогут...
- Помогут, куда они денутся! Матери, бабке, то есть, потому что не мать уже, подсуетиться с прощением...
- Холодно там очень...
- Холодно?

- На дворе теплынь, а там зябко. Я продрогла вся.
- Зато внизу жарко.
- Внизу-то? Жарко внизу.
- Говорят, раньше родственникам позволялось глядеть. Специальное окошко в печи было.
- А сейчас чего ж?
- На психику воздействует, оттого и запретили.
- Чем же воздействует?
- Прыгают они там ужасно, в огне-то. Родные, ясно, в обороке. А это всего лишь от жара у них сухожилия действуют - о закону расширения... Мне объясняли.
- Вранье!
- Ничего не вранье!
- Да еще какое! Их привозят, а уже сухожилия перерезаны! тим "Скорая" занимается. У меня приятель врач, рассказывал... как что прыгать они в любом случае не могут.
- Да кто это будет сухожилия резать?! Кому надо? И зачем?
- Режут, режут! Не то в гроб не засунешь. Конечность ка-ая не то согнется и застынет так... Пойди разогни!
- Ну режут, так режут, мне что!
- Жаль, что смотреть не дают!
- Да зачем Вам, Николай Иванович, страсти такие?! Надо ж, чем пожалели!
- А интересно поглядеть, как там наша Надежда прыгает.
- Вы скажете, Николай Иванович! Ужас какой! Я теперь шать не буду!
- Говорю же, не своей волей. Татьяна спустилась. Сначала юзвонила, на месте ли я, а потом сама подошла. Так и так, надо на похороны собрать и обо всем поехать договориться, то есть организацию на себя взять. Я и занялся, мне что, раз надо, все лучше, чем в конторе сидеть. Я и не подумал, что ты так близко к сердцу примешь...
- Ты должен был отказаться!
- Тебе ж объяснили, что нельзя было!..
- А ему хоть кол на голове теши!..
- Ну, Серег, злишь ты меня! Я, конечно, твои чувства понимаю и тебе сочувствую, но ты меня злишь. Дурак ты, упрямый!

— Товарищи! Для чего мы с вами здесь собрались, я хочу напомнить? Я попрошу минуту внимания...

— Тихе, тихе...

— Чего он хочет?

— Ты, Владимыч, говори, чего надо, и садись, не мельтеши!..

— Я, как уже сказано, попрошу минуту внимания и, так сказать, тишины. И чтобы отдельные здесь присутствующие не позволяли себе неорганизованные выкрики с места. Потому что я, смею напомнить, старше здесь многих и по должности, и по возрасту, некоторых даже вдвое, между прочим...

— Она ко мне, как с ножом к горлу. Значит, что же, спрашивает, мы — все, Сережа, врозь? Значит, врозь, отвечаю. Потому что это становится уже неприличным. Мне же на люди показаться стыдно. Все вслед смотрят, скоро пальцами указывать ачнут...

— Правильно ты ей. Так ей и надо!

— Ты не переживай, друг! Табя не осуждают — я же слушаю, что люди говорят. Твоей вины нет — это общий глас...

— Конечно, я ж ничего ей не обещал, это она сама сочиняла себе. А я с ней по-честному...

— Разумеется, по-честному, мы тебе верим... А на него не держи зла, он не своей охотой, ему Татьяна велела...

— Да я ничего, я уж простил... Только напрасно ты согласился. Ты ж мне товарищ, ты мою сторону держи...

— Сергей Андреич! Мы Вас ждем!

— Тихе, тихе...

— Я предлагаю дело на самотек не пускать, чтобы кто не указал потом, что, мол, поели, попили и разошлись...

— Кто же скажет?

— А кто угодно. Сейчас всего ожидать можно... Мы с вами, товарищи, собрались, чтобы проводить в последний путь Надежду Ясильевну Крылову, дорогого нашего товарища...

— Уже проводили раз, чего теперь?..

— Помянуть ее теперь следует добрыми словами...

— Где их только найдешь — добрые-то?!

— Кому это Крылова товарищ?!

— Минуточку!.. Человек она была, конечно, сложный, трудный она была человек, даже, если угодно...

— Дурной!

— Да, согласен, дурного в ней было много, может быть, больше, чем хорошего. Но ее с нами нет. Простим ей, товарищи, обиды наши, если они есть...

— Еще бы не было!

— Чего другого не знаю, а обид хватает...

— Да, обиды простим, потому что, кто старое помянет, с тем знаете, что делают? Знают все!... Молодая прекрасная женщина оставила нас. Проработала она с нами... Сколько она проработала?

— Восемь лет.

— Осенью девять будет...

— Уже не будет.

— Да, около девяти лет проработала она плечом к плечу с нами, честно разделяя все радости и волнения нашей нелегкой, но так нужной государству работы, все хлопоты и заботы внутри-институтской жизни. Бывало всякое. Было, без сомнения, и хорошее, я просто в этом уверен. Человеку, как учит нас психология, свойственно забывать дурное и помнить одно хорошее. Давайте постараемся вспомнить...

— А Светлана всплакнула!

— Серьезно?

— Ага. Это когда гроб вниз поехал. Смотрю, а у нее слезы.

— Да ну тебя! Я всегда плачу, когда покойника вижу. Все-таки, думаю, был живой человек. Хоть бы какой, а все равно же живой... Жалко!

— Она, гляди, сейчас опять начнет...

— А я, знаете, плакала, когда Лесниц Ильич умер. Услышав и заплакала. Отчего, не знаю... А вы над Светой смеетесь...

— Так ведь давно все ждали...

— Ждали... А я все равно плакала. Услышала по радио и плачу. Отчего, не знаю...

— Привыкли все...

- Вот и я к Надьке привыкла... А она взяла и — чик!
- Да, теперь тебе без нее плохо будет, я чувствую!
- Все смеешься?
- Однако, когда гроб еще сверху, на люке, стоял, не плакала же?
- Этот, знай, допытывается!
- Интересно ему!
- Не плакала... А когда вниз поехал, грустно стало, страшно. Тут ведь конец совсем. Мне кажется, когда в землю, надежды больше...
- Ага, на воскресение.
- Надежд на воскресение Надежды!
- Что ты — к ночи такое! Не дай бог явится!
- Это ничего, если явится. Хуже, когда впрямь воскреснет...
- Да во плоти! Какой была!.. Вот, действительно, ужас!
- Уснуть я, конечно, не смогу...
- Ты уже говорила.
- Да бросьте вы, право, все там будем! Кто раньше, другой позже...
- Типун Вам, Николай Иванович!
- А на меня действует, когда на гроб крышку кладут. То хоть лицо видишь...
- Только вчера рассказал, чтоб знала, где я сегодня, а то подумает — опять я...
- И что Лена?
- Сволочь она, говорит, ваша Крылова.
- Это она правильно. А ты?
- Говорю, она такая же наша, как и ваша...
- И это правильно. Как у тебя теперь с женой?
- Наладилось, вроде. Я, когда Надежду тогда увезла "Скорая", с вами же не остался обсуждать, а домой пошел. Лена, конечно, мне удивилась, знала же, что сейшон у нас, вышла ко мне в рубашке, спать она уже собиралась... Поговорили мы душевно. Я опять пообщал, она поверила. Она у меня умница. К себе пустила. Мы ведь вместе давно не спали... Не знаю, как дальше будет.
- Я любил ее на руках носить. Она прижмется и дышит в ще-

ку. Потом по комнате кружил. За талию перехвачу и кружу... Ноги — как циркуль, пол чертят, длинные!.. Я по ней, конечно, скучаю. А тут еще Машенька! Подходит и спрашивает: когда мама вернется? Я ведь ей не говорил, что умерла, говорю — уехала...

— А Маша с тобой, что ли?

— Да, я ее сразу к себе взял. Чего ей с чужими, думаю. Она меня папой зовет... Бабка ее, матушка Надина, сразу согласилась, ей не до внучки. Ее больше театр интересует или там Консерватория...

— Лена не возражала?

— Не-а, все равно, говорит, что одного воспитывать, что двоих. Главное, чтоб она Крылову эту поскорее забыла. Но Маша пока спрашивает: где мама, когда мама... Только это Лене и злит, а так ничего относится, как к родной...

— Закончено 3-го июля 1987 г., в день рождения сына. Сын у меня родился, Сергей ему имя...

— В квартире напротив Надя родилась...

— Да? Пошли, Господь, им счастья!
